

УДК 811.161.1'36–112
ББК 81.2.2

О.С. Ильченко

**КАТЕГОРИЯ
ОДУШЕВЛЁННОСТИ
В РАННЕМ
ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ**

О развитии категории одушевленности, прежде всего в обозначениях социально полноправных лиц, писали много. Цель настоящей статьи – показать, что как прямое процелрование, так и полное игнорирование внеязыковой ситуации ведут к искажению картины вариативности Р=В и И=В падежей в истории русского языка. Семантика потенцирует, но не регламентирует ту или иную роль слова в предложении, которая определяется совокупностью самых разных факторов, организуемых семантико-синтаксическую структуру предложения.

Ключевые слова: *история русского языка, категория одушевленности, социальное полноправие, ситуативная семантика.*

Ильченко Ольга Сергеевна – канд. филол. наук, доцент, докторант кафедры русского языка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
Тел.: 8-911-004-72-74
E-mail: ilchen@mail.ru

© Ильченко О.С., 2011.

В работах, посвященных развитию категории одушевленности в русском языке, неоднократно высказывалось предположение, что употребление родительного падежа в значении винительного (Р=В) от одушевленных имен регулировалось семантикой слова. Правда, семантический подход обычно сводился к решению *вопроса о социальном полноправии*: предполагалось, что слова, обозначающие полноправных лиц, употреблялись в форме Р=В, а слова, обозначающие зависимых лиц, имели форму И=В. Поэтому, на наш взгляд, точнее называть подобный подход *социологическим*, так как в подобных случаях ученые учитывают только один аспект семантики – статус человека в обществе – и, к сожалению, оставляют без внимания семантические характеристики, обусловленные конкретной *речевой ситуацией*. Тем не менее социологическая трактовка пользовалась широким признанием как в эпоху марризма [Лецинская; Ушакова, 1949; Якубинский], так и позже [Кузнецов; Иванов; Хабургаев, 1990]. В.Б. Крысько возводит ее к работам немецких ученых [Крысько, с. 9].

Однако в понимании полноправия / неполноправия лиц среди историков русского языка нет единства. По О. Гюльденштуббе, зависимых лиц обозначают слова **сынъ, братъ, подчиненный, посолъ, чиновникъ, мужъ, челдинъ** [Güldenstübbe, s. 67 – 168]. П.С. Кузнецов, ссылаясь на Гюльденштуббе, называет еще слово **тиоунъ** [Кузнецов, с. 95], хотя, как было замечено А. Болек, это слово не встречается в работе немецкого

ученого [Болек, с. 98]. Е.И. Кедайтене считает, что безусловно социально неполноправных лиц обозначают существительные **холопъ, смердъ, челядинъ, закупъ** (наемный работник). Существительные, обозначающие категорию лиц, принадлежащих к богатым и политически влиятельным слоям общества, такие как **кънязь** и обозначения его родственников (**сынъ /князя/, братъ /князя/**), названия должностных лиц, приближенных к князю (**тиоунъ, огнищанинъ, отрокъ**), богатых людей (**купцы-гости**), существительное **мужь** (=свободный человек) она относит к словам, обозначающим общественно полноправных лиц, а слова **моужь** (=супруг), **видокъ, иночимъ, разбойникъ, тать** и др. рассматривает как нейтральные с точки зрения социальной оценки [Кедайтене, с. 16 – 24]. Для Е.М. Ушаковой слово **тиоунъ** вообще стоит вне классификации по социальному признаку: это просто заимствованное слово [Ушакова 1958, с. 407], а Ю.П. Ульянов категорично называет слово **тать** социально неполноправным [Ульянов, с. 99]. Г.А. Хабургаев считает, что вряд ли правомерно ставить существительные со значением родства типа **отъць, братъ** в один ряд со словами типа **кънязь** [Хабургаев, 1974, с. 185]. Причина такого разнобоя во мнениях кроется, скорее всего, в том, что нет полной ясности в вопросе: каких людей – лишенных личной свободы, занимавших низшие должности или и тех и других – считать социально неполноправными. Видимо, отсюда и разнообразие терминов: «свободные мужчины» [Степанов, с. 125], «общественно полноправные лица» [Кузнецов, с. 95], «общественно активные лица» [Хабургаев 1990, с. 48, 169–174]. И, наоборот, – «не свободные мужчины», «социально зависимые лица», «социально неполноправные лица». В.В. Мадоян, говоря о «потенциальных агенсах», ближе других подошел к сути явления [Мадоян, с. 4]. Однако заметим, что не только и не всегда социальное полноправие / неполноправие могло обуславливать соответственно активность / пассивность объекта. *Взгляд* на один и тот же предмет может быть *разным* в зависимости об объективно сложившейся ситуации (в самом широком смысле этого слова), поэтому трактовка существительного как активного (*агенса*) или, наоборот, пассивного (*пациенса*) определяется в каждый данный момент отношением говорящего, вызываемым конкретной *ситуацией речи*.

С. Сятковский считает социологическую концепцию несостоятельной, так как количественный перевес форм И=В у существительных, обозначающих социально зависимых лиц, мог быть вызван не внеязыковыми факторами, а тем, что эти существительные чаще находились в условиях, однозначно определяющих субъект [Сятковский, с. 14 – 15]. Однако исследование А. Болек не подтверждает это предположение, так как названия общественно независимых лиц также довольно часто находятся в условиях, исключающих возникновение двусмысленности, и независимо от этого имеют почти всегда форму Р=В, что «не позволяет полностью опровергнуть положений социологической концепции» [Болек, с. 117 – 118]. Не разделяла социологическую точку зрения Е.И. Кедайтене, которая пришла к выводу, что форма Р=В в прямом дополне-

нии у существительных, обозначающих социально неполноправных лиц, начала появляться в самый ранний период древнерусского языка, в памятниках XI – XII вв. Ю.П. Ульянов, на основании обследования памятников русской письменности XI – XII вв., приходит к заключению, что «для существительного “**татъ**”, обозначающего, безусловно, социально неполноправное лицо, хотя, может быть, и активное, присуща только форма винительного, равная родительному» «Наличие формы родительного-винительного “**татя**” в древнейших памятниках заставляет нас не согласиться с утверждением, что родительный в значении винительного первоначально оформился для существительных, обозначающих “общественно полноправных” лиц. Общепринятая точка зрения по этому вопросу не имеет под собой никаких оснований» [Ульянов, с. 99].

Причины вариативности Р=В и И=В до сих пор остаются предметом споров: разницей в интерпретации фактов, неоднократно привлекавшихся для изучения «проблемы социального полноправия», так и не привел историков русского языка к согласию. Приводимые доказательства (как сторонников, так и противников социологической концепции) не могут считаться удовлетворительными, поскольку зачастую обнаруживают непонимание самого языкового механизма *соотношения языковой и внеязыковой действительности*. Ограниченность материала играет не такую важную роль. Симптоматичным в этом смысле является заключение Е.И. Кедайтене: «Если бы во всех случаях у существительных, обозначающих социально неполноправных лиц, были бы старые формы винит. падежа, а у социально полноправных лиц отсутствовали случаи употребления этих форм, то предположение о развитии родит.-винит. прежде всего у лиц общественно полноправных было бы верным» [Кедайтене, с. 25]. Такая прямолинейность в оценке фактов, к сожалению, стала типичной в исследованиях категории одушевленности. Против «одного из введшихся в умы постулатов об имеющем будто бы место прямолинейном отражении языком социально-исторических фактов и факторов» [Трубачев, с. 433] направлена монография В.Б. Крысько [Крысько]. Однако в ней ученый впадает в другую крайность, категорично отрицая влияние каких бы то ни было факторов на вариативность Р=В и И=В, хотя результаты его исследования, если их рассмотреть с позиций **широкой концепции семантики** (см.: [Кобозева, с. 14]) и **структурно-семантического синтаксиса**, и весьма показательные, но без веских причин отстраненные примеры других авторов [Крысько, с. 26 – 35], свидетельствуют в пользу именно *закономерного* варьирования, которое трудно распознать при формальном подходе к интерпретации языкового материала. «На самом же деле речь должна идти по большей части о преломленном языковом отражении, что повышает специфику языка да и требования к нашим воззрениям на сей счет.» [Трубачев, с. 433]. Как прямое проецирование, так и полное игнорирование внеязыковой ситуации, идущие от непонимания законов самого языка, ведут к искажению картины вариативности. Ведь слово вступает в *синтаксическую связь* с другими словами как *семантическая*

единица. Семантика потенцирует, но не регламентирует ту или иную роль слова в предложении, которая определяется совокупностью самых разных факторов.

Поскольку выводы делались в основном на материале «Русской Правды», иногда даже ее позднейших списков, посмотрим на материал этого памятника «с чистого листа», не повторяя ошибок предшественников и соблюдая *методологические принципы* исследования разновременных списков. Общая картина вариативности форм Р=В и И=В должна выявляться главным образом на материале древнейшего списка (1282 г.) «Русской Правды», дошедшей до нас в Кормчей Московского Исторического музея, Синодального собрания № 132. Однако и данные позднейших списков (XIV – XVII вв.) представляют не меньший интерес, если подходить к их интерпретации с иной точки зрения. Позднейшие списки становятся *высоко информативными*, когда в них сохраняются *реликтовые* формы (т. е. в то время, когда синхронные тексты демонстрируют уже исчезновение этих форм). В таком случае изучение условий, в которых пережиточные формы отличаются наибольшей устойчивостью, помогает пролить свет и на сущность былой вариативности.

Уникальность «Русской Правды» как памятника **юридического характера**, где представлен древнерусский *деловой* язык, близкий к народному разговорному языку и почти не отражающий влияния древнеславянской книжности, не подлежит сомнению. Для исследования раннего языкового состояния адекватной замены ему не найти. Критикуя положения С.П. Обнорского по вопросу о происхождении древнерусского литературного языка [Обнорский, с. 120–144], А.М. Селищев справедливо замечает, что близость «Русской Правды» к живой народной речи обусловлена была не тем, что то был начальный момент письменного применения древнерусского языка, а «с о д е р ж а н и е м речи, с ф е р о й применения ее». Произведения *делового содержания* не только в XI в., но и позже, не только у русских, но и других славян (сербов, поляков) не писались «высоким» языком церковных книг и торжественных слов-проповедей. «Когда говорили о воровстве, о драке, о вырванной бороде, о разбитом в кровь лице, применялась и соответствующая речь – речь обыденной жизни... Испещрять речь в таких случаях книжными элементами было бесцельно... Не только стиль, но и т о ч н о с т ь с о д е р ж а н и я деловой речи, документальная точность требовала применения соответствующих слов – слов русских определенного значения <...> Чем ближе содержание рукописи к обыденной жизни, тем деловитее и конкретнее оно, тем больше черт обыденной жизни отражается в ней. Так было в языке грамот и судебных установлений.» [Селищев, с. 59–60].

Внешний «статистический эффект» варьирующихся форм в «Русской Правде» в пользу гипотезы о социальном полноправии / неполноправии не подлежит сомнению (табл. 1).

Соотношение форм Р=В и И=В в именах существительных, обозначающих лиц¹, по данным «Русской Правды»

Названия лиц ²	Р=В	И=В
Холопъ «лишенный личной свободы местный житель, раб»	1	7 [4+3 за]
Челадинъ «лишенный личной свободы пленный (наравне со скотом), раб»	1	3
Отрокъ «слуга, помощник при ком-нибудь, исполняющий разные поручения»	–	1
Тиоунъ «при князе чиновник казначей, при частных лицах приказчик»	1 (на)	1 (за)
Видокъ «свидетель, очевидец»	–	1
Моужь «супруг»	1	3 (за)
Смьрдъ «крестьянин, человек свободного состояния, но податного сословия в отношении к князю»	1	–
Радовичь «лично свободный, служащий по ряду (договору)»	1 (за)	–
Закупъ «лично свободный, но лишенный средств производства, наймит за купу»	4 [3+1 на]	–
Огнищанинъ «богатый, знатный человек, владелец дома, даже рабовладелец»	1	–
Моужь «свободный человек мужского пола»	4	
Иночимъ «отчим»	1	–
Ремственикъ «ремесленник, мастер»	1 (за)	–
Кормилецъ «дядька, воспитатель»	1 (за)	–
Развонникъ «убийца»	1 (за)	–
Мытникъ «сборщик торговой пошлины»	2	–
Истьць «истец, ответчик»	2	–
Къназь	1 (за)	–
ИТОГО:	24 [17+7 (5 за + 2 на)]	16 [9+7 за]

Однако заявленные нами методологические принципы исследования не позволяют ограничиться лишь количественным соотношением форм и заставляют провести структурно-семантический анализ контекстов. С этой целью представим достаточное контекстуальное окружение для каждой лексемы с колебаниями падежной формы в позиции прямого объекта (табл. 2 – 5).

Сторонники социологической концепции ссылались прежде всего на преобладание И=В у слов **ХОЛОПЪ** и **ЧЕЛАДИНЪ**. В.Б. Крысько отстраняется от очевидного факта, связывая его с наличием предлога и инфинитивных конструкций [Крысько, с. 95].

Рассмотрим первое возражение – наличие предлога. Даже если считать, что на предложно-падежные сочетания Р=В распространился позже и по аналогии, то еще более значимым становится тот факт, что имен-

но у социально полноправных лиц отмечается перевес Р=В с предлогом (7:4). Особенно показательно различие форм в зависимости от юридического статуса лица в однотипных конструкциях одного и того же предложения: А за ремьствьника и за ремьствьницу то .ві. грвне а за смердини холопъ .ё. грвнъ. А за робоу .г. грвнъ а за кормилица .ві. грвн и за кормилицю хотѣ си воудн холопъ или роба (л. 616 об., с. 30–31).

Таблица 2

Соотношение форм Р=В и И=В у лексемы «холопъ»³

И=В (7 [4+3за])	Р=В (1) ⁴
<i>Неотчужденная собственность</i>	<i>Отчуждение от хозяина</i>
1. <u>а за смердини холопъ .ё. грвнъ</u> (л. 616 об., с. 30); 2. <u>за холопъ оурокъ заплатити или за робоу</u> (л. 621 об., с. 45); 3. <u>то платити кмоу за холопъ .ё. грвнъ</u> (л. 626 об., с. 59); 4. <u>аже кто переиметь чюжь холопъ и дастъ вѣсть гсноу ко, то имати ему перекмъ грна коуны</u> (л. 626 об., с. 59–60); 5. <u>аже кто не вѣдаѣ чюжь холопъ оусрѣчетъ</u> (л. 627, с. 60); 6. <u>аже кто крьнетъ чюжь холопъ не вѣдаѣ</u> (далее см. 7); 7. <u>то първомоу гсноу холопъѣ⁵ подти а шномоу коуны имати</u> (л. 627, с. 61).	<u>Аже кто пұститъ холопа въ торгъ а шдолжаекъ, то выкупати ко гну, а не лишитисѣ ко</u> (л. 627, с. 61).

Таблица 3

Соотношение форм Р=В и И=В у лексемы «челѣдинъ»⁶

И=В (3)	Р=В (1)
<i>Неотчужденная собственность</i>	<i>Отчуждённая собственность</i>
1. <u>свои челѣдинъ подти</u> (л. 617 об., с. 34); 2. <u>Аже кто познаекъ челѣдинъ свои оукраденъ⁷ а поиметь</u> (далее см. 3); 3. <u>поимти же челѣдинъ въ челѣдина мѣсто а шномоу дати лице</u> (л. 618 об., с. 36).	<u>1. то опять воротитъ челѣдина а свои поиметь и</u> (л. 618 об., с. 37).

Второе возражение снимается тем, что конструкция *Nominativus cum infinitivo* характерна как раз для *неодушевленных* имен ж.р.: Трава косить, вода пить.

Тем не менее, даже при исключении этих «спорных» случаев, «статистический эффект» несомненен: 4 случая И=В от названий безусловно неполноправных лиц: холопъ (3) и челядинъ (1) и ни одного И=В (ни с предлогом, ни без предлога) от многочисленных названий полноправных лиц (см. табл. 1).

Форма И=В могла обуславливаться *неотчуждаемой принадлежностью* объекта (о чем могут дополнительно свидетельствовать возвратно-притяжательные местоимения и притяжательные прилагательные) активному (действующему) лицу, представление о котором возбуждено контекстом, а также *обобщенностью* (собирательностью) значения лексемы (табл. 4).

Таблица 4

Соотношение форм Р=В и И=В у лексики «тиоунъ»

И=В (1 [0+1за])	Р=В (1 [0+1на])
<i>Обобщенное (собирательное) название</i>	
а за тиоунъ за вгнищныи и за конюший, то .п. (80) грвнъ а за радовича .ѣ. грвн также и за боярскъ (л. 616 об., с. 30).	На послушьство холопа⁸ не ск[л]адають но оже не боудеть свободнааго то по ноужи ти сложити на боярскаго тиоуна а на инѣхъ не складывати (л. 621, с. 43).

Социологическая концепция вызывала справедливые возражения излишней прямолинейностью соотношения формы и социального статуса лица. Поэтому рассмотрим факты с собственно языковой точки зрения. При словах **холопъ**, **челядинъ** имеется, как правило, определение, указывающее кому они принадлежат: чужому или своему господину, смерду и под. Жизнь и судьба несвободных были в полной власти хозяина⁹, так что именно хозяин нес за них полную *ответственность* перед законом. В отношении хозяина и раба никто не вмешивался. Но если раб украл что-то на стороне или нанес ущерб другому свободному человеку, перед законом держать ответ должен был его хозяин. «Русская Правда» вполне совпадает с *Земледельческим уставом* в признании ответственности господина за преступление, сделанное его холопом: 43. **Аще кый холопъ зарѣжетъ волъ, или борана или коую иноую животинуу въ чащи, восподарь его заплатитъ** (Книги законные, 52). Дж.Лакофф считает ОСНОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ самым важным из 14 семантических свойств *агенса* [Лакофф, с. 362]. Поэтому юридически несвободное лицо именно *в ситуации*, относящейся к области права, представлялось лишенным семантических свойств *агенса* и имеющим семантические свойства *пациенса*. Однако представленная семантическая (обязательно двусторонняя) модель «слуга и хозяин» отсутствует в таких ситуациях, как, например, драка равноправных по отношению друг к другу холопов, смердов и под.): **Оже смердъ моучитъ смьрда безъ княжа слова** (л. 624 об., с. 54). Ср. соответствующую измененному контексту форму И=В в других списках: *Или смердъ умучать а без княжа слова* (ст. 33, с. 198) [Кедайтене, с. 19].

Что касается лиц неоднозначного социального положения, то весьма показательны контексты с лексемой закоупъ, засвидетельствованной в памятнике только в форме Р=В: **А въ малѣ тажж по ноуже сложити**

на закоупа (л. 621, с. 43); Аже гснъ перешвидитъ закоупа а оувѣдитъ враждоу кго (л. 623 об., с. 51); продаетъ ли гснъ закоупа шьль то наиметоу свобода въ всехъ коупахъ (л. 623 об., с. 51); аже гснъ бытъ закоупа про дѣло (л. 624, с. 51)¹⁰. В них зафиксировано разнообразие личностных отношений между господином и закупом, добровольно и только временно закабальющим себя за определенную плату (купу).

Таким образом, роль лица в описываемом событии определяется совокупностью внеязыковых факторов (характером ситуации, расстановкой «сил», статусом лица и под.) – отсюда говорящий извлекает семантические свойства данного лица как актанта того или иного типа. Если актант с заданными (ситуацией, контекстом, культурой, онтологией) семантическими свойствами попадает в поле действия *синтаксической связи* и эти свойства оказываются значимыми для *синтаксических отношений* (в частности, таковы выделяемые лингвистикой лексико-грамматические разряды имен и глубинные агенсно-па пациенсные интерпретации одушевленных имен) – осуществляется *наложение* семантических свойств предиката на семантические свойства актанта, обуславливающее соответствующее оформление семантико-синтаксической конструкции в целом.

Изучая факты с этой точки зрения, мы с удивлением обнаружили, что *книжно-славянский* язык «Остромирова евангелия» и *деловой русский* язык «Русской Правды», несмотря на стилистические и содержательные различия, представляют один и тот же этап синтаксического оформления *субъект-объектных отношений*, демонстрируя зависимость выбора форм Р=В / И=В от активности (участия / неучастия) лиц в описываемых событиях.

Взаимодействие двух равноправных партиципантов, двух *действующих лиц* происходит, например, в ситуациях присвоения (*дает – берет*), торговой сделки (*продает – покупает*), общения (*говорит – слушает*), а третье лицо, как *предмет их взаимодействия* (характер самого взаимодействия не столь важен), является в данной ситуации *недействующим лицом*, «не-лицом» (см.: [Бенвенист, с. 290]), «отсутствующим» в смысле его волевой «невключенности» в событие и часто мыслится как «находящееся в заданном отношении к одному из собеседников, являющемуся активным участником коммуникативного события», часто как *неотчуждаемая принадлежность* одного из участников. Лица, включенные *не по своей воле* в подобные ситуации, часто выступают в роли пассивных объектов, по поводу которых осуществляется *незаконченное* взаимодействие двух лиц, выражаемое типичной языковой моделью (эксплицитной или имплицитной) «кто – кому» (в случае прямой перспективы): *то повѣдавше кмоу похити оу него штрокъ*¹¹ (л. 627, с. 60); *то привести кмоу видокъ* (л. 617 об., с. 33) или «кто – от кого» (в случае обратной перспективы). Точка зрения (фокус эмпатии) 3 лица («отсутствующего») не была представлена в *праиндоевропейской коммуникативной схеме*.

Так, в **ситуации общения** действующими (точнее взаимодействующими) лицами являются *говорящий* (1 лицо) и *собеседник* (2 лицо): **Понди и призови мужъ твои** (контекст из Евангелий). Третье лицо не участвует в общении. К. Уленбек, между прочим, считал *пассивный падеж* не только падежом страдающего лица или предмета, испытывающего действие, но и в более общем значении – «лица или предмета, о котором что-то высказывается». Причем в качестве пассивного падежа вначале функционировала чистая основа [Уленбек, с. 101–102].

В **ситуации тяжбы взаимодействие** осуществляется между *активными* участниками юридического события: *истцом* (1 лицо) и *ответчиком* (2 лицо), который в эпоху «Русской Правды» тоже именовался истцом. Семантически одушевленный объект (лицо или животное), являющийся *предметом тяжбы*, т.е. объектом взаимодействия двух лиц, играет в ситуации *пассивную* роль, так как сам не принимает участия в событии, например в силу своей юридической неспособности.

В **ситуации торговой сделки** (купли-продажи), описываемой обычно деловыми текстами, речь идет о том, чтобы заплатить за что-то, то это «что-то» приравнивается к вещи, покупаемой и продаваемой, что находит свое выражение в соответствующем падежном оформлении (ср. *платити зань*).

Таким образом, наиболее соответствующим всему корпусу фактов представляется мнение А. Мейе, который характеризовал категорию слов, дольше всего сохранявших форму И=В, как слова, обозначающие существа (*des tres*), не воспринимаемые (*qui ne sont pas tenus*) как лица [Meillet, p. 131–132].

Форма И=В в предложно-падежной конструкции **за мужъ** также была обусловлена контекстной семантикой существительных: речь в таких случаях шла не о конкретном мужчине, а о переходе девицы в новое состояние – «стать с мужем одним целым». Типичность ситуации, закреплённой в том числе и *юридически* (табл. 5), привела к формированию *речевого штампа* с последующей фразеологизацией, а затем и к образованию наречия **замужъ**. Для обозначения собственно объекта обычен Р=В **мужа**.

Таблица 5

Соотношение форм Р=В и И=В у лексики «мужъ» ‘супруг’

И=В (3 [0+3за])	Р=В (1 [0+1на])
<i>Фразеологизация</i>	<i>Свободное сочетание</i>
<p>1. А кже жена вѣрчеться съдѣти по мужи а ростерѣтъ довытокъ и поидеть за мужъ (л. 622, с. 46);</p> <p>2. оже вѣдетъ сестра въ дому тѣ то задница не надобѣ. нѣ ѿдадуть ю за мужъ брат како си могоутъ (л. 622, с. 46);</p> <p>3. а мти имъ поидеть замужъ (л. 626, с. 58).</p>	<p>1. оже кто оубыкъ женоу то тѣмъ же соудомъ соудити ко же и мужа вже вѣдетъ виноватъ (л. 621 об., с. 44–45).</p>

Итак, денотат одного и того же существительного может – в зависимости от ситуации – выступать как *активный* (т.е. участвующий во взаимодействии) или *пассивный* (т.е. не участвующий во взаимодействии). Причем его положение относительно события постоянно меняется и определяется сиюминутной расстановкой «сил».

Как видим, само по себе *общественное полноправие* лица не является определяющим для выбора падежной формы в позиции прямого объекта. Решающее значение имеет *ситуативная семантика*, а не лексическое значение существительного, хотя от последнего иногда зависит, какую роль – активную или пассивную – оно потенцирует субстантиву.

Примечания

¹ Исконно *генитивное* управление (искати, мьстити) не учитывается.

² Толкование значений дается по материалам: [Карский, с. 90–113].

³ Ср. еще в других списках: *А оже уведеть чюжь холопъ любо робу платити ему за обиду 12 гривне* (ст. 29, с. 189) [Кедайтене, с. 16].

⁴ **ажь кто своего холопа самъ досочитъся** (л. 626 об., с. 60) – Р.п. предела при возвратном глаголе с приставкой до- мы не включаем в подсчеты.

⁵ Список XV в. отражает уже изменения в форме (несмотря на инфинитивную конструкцию), связанные с оформлением единичного лица мужского пола: **то холопа пояти, да платитъ господин за нь** (Правда Рус. (кр.), 71. XV в. ~ XI в.).

⁶ Ср. еще в других списках: *то изымати ему свои челядин* (ст. 11, с. 87); *вдаи ты мне свои челядин* (ст. 16, с. 110) [Кедайтене, с. 18].

⁷ В этом примере пассивность объекта (*страдательная роль* в подчиненной пропозиции) обнаруживается грамматически.

⁸ В списке XIV в. порядок слов, видимо, более точный и Р=В уже оформляет единичное лицо мужского пола: **А послушества на холопа не складаютъ** (Правда Рус. (пр.), 112. XIV в. ~ XII в.).

⁹ Ср. отрывок из письма (8 июня 1834 г.) А.С. Пушкина к жене: «...Теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно им поступать, как им угодно».

¹⁰ Этот пример был пропущен Е.И. Кедайтене (см: [Кедайтене, с. 17]).

¹¹ Только в списке XVI в. появляется Р=В в этом контексте: **ПОЯТИ ү него отрока** (Правда Рус. (пр.), 177. XVI в. ~ XII в.).

Литература

Бенвенист Э. Природа местоимений (1956) // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002.

Болек А. Становление категории одушевленности (на материале Синайского патерика, Успенского сборника и Русской Правды : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977.

Иванов В.В. Развитие грамматического строя русского языка. М., 1960.

Карский Е.Ф. Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. Л., 1930.

Кедайтене Е.И. Формы винительного и формы родительного-винительного падежа от названий лиц и одушевленных предметов по оригинальным памятникам восточнославянской письменности : дис. ... канд. филол. наук. М., 1958.

«*Книги законные*», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные / Изд. А.С. Павлов. СПб., 1885.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Крысько В.Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.

Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты (1977) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. М., 1981.

Лецинская М.Г. Родительный-винительный в именах существительных в русском литературном языке XII – XVII вв. (К истории категории одушевленности в русском языке) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1949.

Мадоян В.В. Категория одушевленности имен существительных в древнерусском языке (на материале памятников северо-западной Руси XIII–XIV вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Обнорский С.П. «Русская Правда» как памятник русского литературного языка (1934) // *Обнорский С.П.* Избранные работы по русскому языку. М., 1960.

Правда Русская. I. Тексты / под ред. Б.Д. Грекова. М.;Л., 1940.

Селищев А.М. О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка // ВЯ. 1957. № 4.

Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М., 1975.

Сятковский С. Проблемы за генезиса на славянския родително-винителен падеж // Език и литература. София, 1972. № 2.

Трубачев О.Н. Отзыв официального оппонента о диссертации В.Б. Крысько «Переходность, объект, одушевленность в истории русского языка», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук // *Крысько В.Б.* Исторический синтаксис русского языка: объект и переходность. М., 2006.

Уленбек Х.К. Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков // Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

Ульянов Ю.П. Из наблюдений над категорией одушевленности в памятниках русской письменности XI – XVII вв. // Тр. Андижан. пед. ин-та. 1964. Т. 10.

Ушакова Е.М. Развитие категории одушевленности в именах существительных : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1949.

Ушакова Е.М. О категории одушевленности имен существительных и ее развитие в русском языке // Сб. трудов Ставропольского пед. ин-та. Вып. 13. Ставрополь, 1958.

Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1974.

Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953.

Güldenstübbe O., von. Gebrauch der Kasus im Altrussischen // Archiv für slavische Philologie. 1923. Bd. 38.

Meillet A. Recherches sur l'emploi du genitif-accusatif en vieux-slave. Paris, 1897.